

УДК 371(91)

doi 10.17072/2219-3111-2018-1-129-137

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ШКОЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1905—1917 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА)

Е. В. Шишкина

Институт истории и археологии УрО РАН, 620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16
elizaveta.pjankova@yandex.ru

Проанализирована законодательная база, регулировавшая положение старообрядцев в области народного образования в период веротерпимости (1905–1917 гг.). Исследование основано на использовании широкого круга источников: законодательных актов, материалов статистики, периодической печати и неопубликованных делопроизводственных документов, которые извлечены из фондов государственных архивов (Российский государственный исторический архив, Государственный архив древних актов, Государственный архив Пермского края, Государственный архив Свердловской области) и многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Изучено содержание законоположений, легализовавших право старообрядцев на образование: Указ и Высочайше утвержденное Положение Комитета министров «Об укреплении начала веротерпимости (1905 г.), указы «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин» (1906 г.) и «О преподавании Закона Божия детям старообрядцев и сектантов» (1911 г.). Пристальное внимание уделено рассмотрению прав старообрядцев в сфере образования, полученных в результате либерализации конфессиональной политики государства: возможности учреждения школ для обучения своих детей, права преподавания закона Божия по утвержденным учебным программам и учебникам в соответствии со старообрядческим вероучением в школах для детей старообрядцев и в общих учебных заведениях, права обучения и подготовки учителей из старообрядцев, снятия запрета на доступ в общие школы учителей-старообрядцев. Проанализирована специфика реализации обозначенных законов на материалах Урала и выявлены, несмотря на тесную связь с общим школьным законодательством, ограничения прав старообрядцев (недопущение учителей-старообрядцев к преподаванию, отказ в учреждении школ, требование обязательного образовательного ценза для законоучителя и др.).

Ключевые слова: старообрядчество, старообрядческие школы, народное образование, свобода вероисповедания, история Урала в начале XX в.

В XIX в. власти осуждали конфессиональную грамотность старообрядцев и отрицательно относились к их образовательной системе. Дети старообрядцев учились грамоте у старших членов семьи, наставников, учителей и учительниц в нелегальных домашних и передвижных школах, а также получали образование в общих учебных заведениях [Керов, 2009, с. 87–88]. Традиции институционального образования в старообрядчестве не существовало до начала XX в. В соответствии с Высочайше утвержденным Положением Комитета министров об укреплении начал веротерпимости от 17 апреля 1905 г. старообрядцы получали право учреждать начальные школы для обучения своих детей (ПСЗРИ, 1908, т. 25, с. 259–260).

По мере развития законодательства стали появляться работы, в которых давался обзор законоположений и циркулярных разъяснений, регулирующих школьное дело старообрядцев [Вопросы народного..., 1909; Дмитриевский, 1909], публиковались статьи, посвященные рассматриваемой проблеме (Макаров, 1906, № 10, с. 1163–1166; Старообрядцы..., 1913, № 6, с. 510–514). Правовое положение старообрядцев в области народного образования неоднократно обсуждалось в научных работах, где анализировалась эволюция государственно-старообрядческих отношений [Боровик, 2003; Ершова, 1999; Машковцева, 2006, 2016]. Нельзя не упомянуть обобщающий труд С. В. Таранца о старообрядчестве в Российской империи [Таранец, 2012, 2013], а также исследования, посвященные старообрядческим школам Вятской губернии [Титова, 2010] и Алтая [Куприянова, 2014]. В представленной статье анализируются нормативно-правовые аспекты деятельности старообрядческих школ Российской империи в 1905–1917 гг. на материалах уральских губерний, что позволяет выделить правовые нормы, регламентировавшие открытие и

деятельность школ, положение учителей и содержание учебных программ для начальных училищ старообрядцев.

В соответствии с манифестом о свободе вероисповедания от 17 апреля 1905 г. старообрядцы получали право открывать начальные школы в местностях со значительным старообрядческим населением (ПСЗРИ, 1908, т. 25, с. 259–260). Закон, однако, не указывал точное число старообрядцев, необходимое для открытия начального училища. Это толковалось двояко: как необходимость численного преобладания в данной местности старообрядцев над адептами других вероисповеданий или как требование достаточного для открытия училища числа детей школьного возраста (РГИА. Ф. 733. Оп. 175. Д. 96. Л. 108). Попытка решить этот вопрос была предпринята на особом совещании Кабинета министров по согласованию действующих узаконений с именованным высочайшим указом 17 апреля 1905 г. по делам веры. Министр народного просвещения граф И. И. Толстой считал, что действительную потребность старообрядцев в собственной школе должна выяснять местная власть. Тайный советник А. С. Будилович в проекте правил о старообрядческих и сектантских училищах предлагал вопрос учреждения старообрядческих школ ставить в зависимость от наличия законно действующих общин одного толка или согласия численностью не менее 1 тыс. чел. Введение такого правила чрезвычайно затруднило бы процесс открытия школ в местах, малозаселенных старообрядцами. Обер-прокурор Святейшего синода князь А. А. Ширинский-Шихматов главным условием учреждения школ для детей старообрядцев считал недостаток общих школ в той или иной местности (Там же. Л. 105–109). Таким образом, законодательные попытки регламентировать численность старообрядцев, необходимую для открытия школ, не увенчались успехом, как и разработка проекта особых правил для старообрядческих школ.

Сразу после обнародования манифеста о веротерпимости в Министерство народного просвещения стали поступать ходатайства об открытии старообрядческих школ. Одними из первых подали прошения об учреждении школы старообрядцы Жулановского и Нижне-Бардинского сельских обществ Больше-Усинской волости Осинского уезда Пермской губернии (ГАПК. Ф. 281. Оп. 1. Д. 813. Л. 96). Инспектор народных училищ рекомендовал открытие школы ввиду значительного числа старообрядцев, проживающих в данной волости, и их высокого уровня грамотности (ГАПК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 452. Л. 3 об.).

В соответствии с Положением Комитета министров школы старообрядцев должны были открываться по типу существующих частных, министерских и земских училищ и подлежать ведомству Министерства народного просвещения (*Введенский*, 1912, с. 11). Инициатива учреждения школы могла исходить от частного лица, старообрядческой общины и старообрядцев, составляющих большинство какого-либо селения. В первом случае ходатайство учредителя об открытии частного училища подавалось инспектору народных училищ и в уездный училищный совет. К прошению необходимо было приложить свидетельство о звании начального учителя от учредителя, список учителей, сведения о количестве учащихся, о помещении для будущего училища, программу преподаваемых предметов. Учителя, назначаемые учредителем школы, подлежали обязательному утверждению в должности учебной администрацией [*Дмитриевский*, 1909, с. 18].

Указ от 17 октября 1906 г. «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин» наделял общину правом открытия просветительских учреждений (ПСЗРИ, 1909, т. 26, с. 905). Законом была установлена следующая процедура учреждения училища. На общем собрании старообрядческой общины в присутствии одной трети ее членов, имеющих право голоса, вырабатывалось постановление собрания об открытии школы, которое представлялось инспектору народных училищ. Инспектор народных училищ с согласия председателя училищного совета давал разрешение на открытие школы. В местностях, где были введены земские учреждения, на сельском сходе составлялся общественный приговор с просьбой об открытии училища, который необходимо было доставить в земство [*Дмитриевский*, 1909, с. 8].

Постановления советов общин и сельские приговоры об открытии училищ для детей старообрядцев поступали в училищные и земские учреждения на протяжении всего периода веротерпимости. В соответствии с указанием директора народных училищ Пермской губернии от 3 марта 1906 г. инспекторам народных училищ запрещалось препятствовать открытию старообрядческих школ по действующим типам и программам училищ (ГАПК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 452.

Л. 15). В случае получения отказа в ходатайстве об учреждении школы старообрядцы могли подать жалобу губернскому училищному совету (РГИА. Ф. 733. Оп. 175. Д. 96. Л. 110). В соответствии с циркуляром Осинской уездной земской управы от 7 июля 1906 г. волостным правлениям поручалось предлагать сельским обществам со старообрядческим населением составлять приговоры о желании открыть в своих селениях начальные школы, в которых наряду с общими предметами разрешалось преподавать церковно-славянское чтение по старопечатным книгам и обучать пению по крюкам (ГАПК. Ф. 281. Оп. 1. Д. 813. Л. 141). Например, свое желание открыть школы в 1906 г. выразили крестьяне деревень Большой и Малый Дубовик, Нижняя Барда, Жуланова, Осиновка Осинского уезда Пермской губернии. Их приговоры с приложением ведомости детей школьного возраста были составлены по установленной форме без каких-либо нарушений (Там же. Л. 167).

Большую ценность в плане выяснения численности школ старообрядцев представляют материалы статистики. Анкетирование Совета всероссийских съездов старообрядцев, несмотря на несовершенную методику учета, выявило в стране к 1909 г. 31 старообрядческое начальное училище, причем три действовали на Урале (Пермская губерния – 2 школы, Оренбургская – 1). Существовали также семь нелегальных школ (Вятская губерния – 4, Оренбургская – 2, Пермская – 1), широко практиковалось домашнее обучение, случаи которого с трудом поддавались подсчету [Вопросы народного..., 1909, с. 8–9]. Циркуляр министра внутренних дел от 9 октября 1909 г. предписывал губернаторам собирать сведения о количестве школ, библиотек, братств и союзов старообрядцев (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 21. Л. 3). Так, по статистике к 1910 г. на Урале действовало 10 легальных училищ старообрядцев: в Вятской губернии – 6, в Пермской – 4 (Там же. Л. 370–376).

Заметное увеличение числа официальных школ произошло к 1912 г. Согласно статистике, составленной департаментом духовных дел МВД, в Российской империи существовало 99 школ старообрядцев, 25 из которых действовали на Урале: в Оренбургской губернии – 7, Пермской – 5, Вятской – 7, Уфимской – 6 (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 22. Л. 122, 309). Рост количества школ можно объяснить успехами введения всеобщего обучения в стране и вхождения старообрядческих училищ в школьные сети уездов, поддержкой земств и Министерства народного просвещения, развитием инициативы старообрядцев на местах. Тем не менее нельзя не отметить и сравнительно небольшое количество официально учрежденных школ на Урале.

В соответствии с Положением Комитета министров от 17 апреля 1905 г. старообрядцы были обязаны содержать школы на собственные средства (ПСЗРИ, 1908, т. 25, с. 260). Существовало по крайней мере три основных источника содержания старообрядческих школ: средства старообрядцев, финансовая и материальная поддержка земств и пособия казны. В сельских приговорах об открытии училищ старообрядцы выражали надежду на материальную поддержку со стороны государства и равноправие в школьном вопросе: «неся все государственные и земские повинности наравне со всеми гражданами русской земли, мы полагаем, что и мы вправе за общий счет пользоваться благами просвещения» (ГАПК. Ф. 281. Оп. 1. Д. 813. Л. 110). Тем не менее в первые годы после получения права на учреждение училищ постройка или наем здания школы осуществлялись на средства старообрядцев. Так, в 1907 г. в г. Шадринске Пермской губернии член старообрядческой общины Г. А. Гусев предоставил помещение для старообрядческого училища (Старообрядческие общины, 1908, № 1, с. 102–105). В деревнях Нижняя Барда и Большие и Малые Дубовики Осинского уезда Пермской губернии общины предоставляли помещение для занятий и содержали его на средства попечителей (ГАПК. Ф. 821. Оп. 1. Д. 813. Л. 103–109).

Однако вопрос о помещении для школы не всегда решался положительно ввиду материальной необеспеченности многих старообрядческих общин региона. Так, старообрядцы с. Сосновка Малмыжского уезда Вятской губернии ходатайствовали в 1908 г. о постройке школы и дальнейшем её содержании на средства земства. Земская управа постановила открыть смешанную школу, где в отдельном помещении от детей православных разрешалось проводить уроки для старообрядцев. Члены общины отказались обучать своих детей совместно с православными и решили самостоятельно выстроить здание училища. Несмотря на пожертвования известных старообрядческих благотворителей П. П. Рябушинского и Ф. Е. Морозовой, собрать необходимую сумму в размере 600 рублей не удалось, что замедлило строительство школы еще на три года (РГАДА. Ф. 1475. Оп. 1. Д. 153. Л. 30–30 об.).

Начиная с 1910 г., по мере развития всеобщего обучения в стране и вхождения старообрядческих училищ в школьные сети, земства брали на себя большую часть расходов по строительству и содержанию народных училищ. Земства предоставляли беспроцентные ссуды на строительство старообрядческих училищ. Например, Оханское земство Пермской губернии во главе с Я. К. Морозовым и инспектором народных училищ М. В. Введенским активно содействовали открытию школ старообрядцев. В 1909 г. земская управа субсидировала строительство училища в с. Вознесенское, выделив для этого 1200 рублей (С. Вознесенское, 1911, № 5, с. 124). Здание старообрядческого училища в Нижнем Тагиле также было построено на средства земства, ассигновавшего на это 15 тыс. рублей (Постройка училищ, 1915, №7, с. 31). Верхотурское земство построило в 1916 г. здание для Черноисточинского старообрядческого училища, потратив на него около 30 тыс. рублей (*Кузнецов*, 1916, №8, с. 20).

Земства выделяли средства на содержание училищ (отопление, освещение, охрана) и оплачивали работу учителей. В частности, Екатеринбургское земство выделяло около 400–500 рублей ежегодно на содержание Никольского и Свято-Троицкого земских училищ города Екатеринбурга (ГАСО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 160. Л. 4, 88). Земство оплачивало работу учительницы Невьянской старообрядческой школы А. В. Соколовой (360 рублей в год) и двух её помощниц (240 рублей в год каждой), а также назначило жалование для законоучителя в размере 48 рублей в год (Там же. Л. 115). Верхотурское земство выделяло жалование учителю и его помощнику в Черноисточинском земском училище (ГАСО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 1351. Л. 183), закупало учебные пособия для школы. Жалование учителя-старообрядца соответствовало жалованию учителя православного исповедания (ГАСО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 1432. Л. 76).

Училища, включавшиеся Министерством народного просвещения в школьную сеть уезда, получали от казны средства на содержание учителей и законоучителя. Например, учителя Невьянской старообрядческой школы с 1 сентября 1914 г. получали жалование из министерской кассы (ГАСО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 388. Л. 22), на совместном казенном и земском содержании в 1915 г. находились Никольское, Троицкое, Вознесенское и Очерское одноклассные старообрядческие училища (РГИА. Ф. 733. Оп. 227. Д. 134. Л. 11 об., 62, 66). Таким образом, успехи развития школьного дела в старообрядческих сообществах Урала зависели от местной инициативы старообрядцев, материальных возможностей общин и земств.

Правовое положение учителей-старообрядцев было определено Положением от 17 апреля 1905 г. (ПСЗРИ, 1908, Т. 25, с. 260) и императорским указом от 19 ноября 1905 г. об отмене действия Высочайших повелений от 14 мая 1832 г. и 28 ноября 1839 г. «О недопущении раскольников на должности учителей и наставников юношества и о воспрещении выдавать раскольникам свидетельства на право обучения детей». Старообрядцы получали доступ к получению образовательного ценза учителей народных училищ и право преподавать в школах, где обучались дети старообрядцев (*Введенский*, 1912, с.11). Инспектор народных училищ и училищный совет были обязаны проверить у кандидата наличие образовательного ценза учителя народных училищ и удостовериться в его благонадежности [*Дмитриевский*, 1909, с. 14].

Одним из главных требований старообрядцев при выборе учителя являлась его принадлежность к старообрядчеству. Например, в постановлении общины Миасского завода Оренбургской губернии в 1914 г. старообрядцы указывали на назначение учителя из их среды как необходимое условие открытия школы (*Хроники нашей школы*, 1914, №10, с. 971). Если старообрядцы не могли найти достойного кандидата на должность учителя, то могли обратиться в Совет всероссийских съездов старообрядцев, который являлся координирующим органом школьного дела. В журнале «Церковь» публиковались списки учителей-старообрядцев всей Российской империи, объявления о вакантных местах в школах (Список вакантных..., 1913, № 25, с. 613). Община с. Щипы Осинского уезда Пермской губернии просила земскую управу утвердить в качестве учителя старообрядца Т. Е. Кондратьева из с. Городец Нижегородской губернии, который согласился преподавать в школе (ГАПК. Ф. 281. Оп. 1. Д. 820. Л. 36 об.).

Нехватка квалифицированных учителей была одной из ключевых проблем, сдерживающих развитие народного образования в старообрядчестве. Некоторые старообрядцы допускали преподавание учителей других вероисповеданий с тем условием, что они не будут в процессе обучения детей касаться вопросов вероисповедания. Так, в Черноисточинском старообрядческом земском училище только двое из трех учителей являлись старообрядцами (ГАСО. Ф. 435. Оп. 1. Д.

1351. Л. 183). Учителя-старообрядцы, желавшие занять должность в каком-либо училище и обладающие необходимым образовательным цензом, могли самостоятельно подать прошение на имя директора или инспектора народных училищ о назначении их в училища для детей старообрядцев [Дмитриевский, 1909, с. 14]. В частности, в 1906 г. крестьянин д. Фоминой Осинского уезда Пермской губернии И. М. Паршаков обратился с прошением об открытии в названной деревне школы для детей старообрядцев и преподавании в ней.

Иначе складывалось правовое положение законоучителей (учителей закона Божия). Закон обязывал их получить обязательный образовательный ценз учителей народных училищ, что в значительной степени ущемляло их права по сравнению с законоучителями господствующей церкви, которые имели доступ к преподаванию без наличия указанного образовательного ценза (ПСЗРИ, 1908, т. 25, с. 260). По ходатайству председателя Совета всероссийских съездов старообрядцев Д. В. Сироткина старообрядцам было разрешено быть законоучителями в училищах без наличия образовательного ценза в течение пяти лет – с 17 октября 1906 по 17 октября 1911 г. (Введенский, 1912, с. 84). Законоучителя-старообрядцы получали право преподавания закона Божия в общих школах Российской империи (ПСЗРИ, 1908, т. 25, с. 260). Однако закон 1905 г. не регламентировал необходимое для приглашения законоучителя количество детей-старообрядцев в училищах. В этих условиях старообрядцы часто ходатайствовали перед учебной администрацией об освобождении своих детей от посещения уроков закона Божия, духовного пения, славянского языка, общей молитвы (Введенский, 1912, с. 12).

В соответствии с циркуляром Министерства народного просвещения от 17 ноября 1910 г. учителя-старообрядцы не допускались в учебные заведения, где обучались ученики господствующего исповедания. Положения циркуляра противоречили указу 1905 г., который отменил все ограничения, связанные с правом учителей-старообрядцев занимать должности в училищах. На практике это выражалось в отказе учителям в приеме в те школы, в которых наряду с православными обучались дети старообрядцев (РГИА. Ф. 733. Оп. 182. Д. 164. Л. 29). В Совет всероссийских съездов старообрядцев от общин поступали многочисленные письма с жалобами на недопущение учителей в общие учебные заведения (РГИА. Ф. 733, Оп. 182. Д. 164, Л. 5–6, 8). Старообрядцы г. Екатеринбурга 17 апреля 1915 г. отправили телеграмму министру народного просвещения с просьбой об отмене данного циркулярного разъяснения. В частности, в ней говорилось: «...Оставаясь хранителями старой веры отцов, мы горячо верим, что только при свете знания и просвещения своих сынов без различия веры и национальностей наша Родина выйдет на светлый путь культурного самоопределения» (Там же. Л. 18). Введенное ограничение министерство объясняло тем фактом, что в начальных школах учителям часто приходилось совмещать со своей основной должностью обязанности законоучителя или временно заменять его (РГИА. Ф. 733. Оп. 182. Д. 164. Л. 19). Таким образом, несмотря на провозглашенную свободу вероисповедания, учителя из старообрядцев были ограничены в своих правах при устройстве в общие школы. Ситуация усугублялась небольшим количеством старообрядческих училищ, в которых они могли беспрепятственно преподавать.

13 апреля 1911 г. Николай II утвердил Положение Совета министров «О правилах преподавания Закона Божьего детям старообрядцев и сектантов». Закон увеличивал отсрочку на получение образовательного ценза законоучителями еще на пять лет, т. е. до 17 октября 1916 г. Значимым достижением стало более четкое определение правового положения преподавателей закона Божия. Законоучителями могли стать как духовные (настоятели и наставники), так и светские лица соответствующего старообрядческого согласия, рекомендованные местной общиной, имеющие законченное среднее образование или образовательный ценз учителя начальных училищ. К преподаванию допускались лица женского пола с соответствующим образовательным цензом (ПСЗРИ, 1914, т. 31, с. 260). Закон ограничивал действие данного положения, так как заниматься преподаванием старообрядцы могли только с разрешения попечителя учебного округа, инспектора народных училищ и училищного совета уезда [Машиковцева, 2016, с. 68]. Законоучителям, имевшим среднее или высшее образование, предоставлялось право голоса на педагогических советах при обсуждении вопросов, касающихся преподавания закона Божия и учащихся у них детей. Преподаватели, не соответствующие указанному образовательному цензу, могли присутствовать на заседаниях педагогического совета с правом совещательного голоса при обсуждении вопросов преподавания учебной дисциплины «Закон Божий». Учителя-старообрядцы,

которые преподавали закон Божий учащимся из разных школ города, селений, не входили в состав педагогического совета. Труд законоучителя оплачивался за счет взносов родителей учащихся и средств общины (*Введенский*, 1912, с. 85-86). В октябре 1916 г. на пять лет (до 17 октября 1921 г.) был вновь продлен срок допущения к преподаванию закона Божия лиц, не обладающих допустимым образовательным цензом (РГИА. Ф. 733. Оп. 182. Д. 164. Л. 84).

Существовало несколько вариантов подготовки учителей для старообрядческих школ: обучение в учительских семинариях, частных школах, на педагогических курсах для учителей-старообрядцев (*Старообрядцы...*, 1913, № 6. с. 510). Императорский указ от 15 июля 1906 г. позволял старообрядцам поступать в учительские семинарии с предоставлением им казенных стипендий (*Введенский*, 1912, с. 81). Семинарии не давали необходимой подготовки учителям-старообрядцам сообразно с потребностями их вероучения, поэтому 1 октября 1910 г. в г. Иллуkste Курляндской губернии была открыта особая учительская семинария для подготовки учителей в старообрядческие школы (*Иллукстская учительская...*, 1910, № 4, с. 45). В некоторых регионах действовали частные домашние школы для подготовки будущих учителей. Например, епископ Иннокентий Нижегородский организовал школу для подготовки учителей, по окончании которой можно было сдать экзамен на звание народного учителя в гимназии, реальном или городском училище, учительской семинарии (*Макаров*, 1906, № 10, с. 1166). Подобная школа была в г. Уральске. В 1909 г. в ней обучалось 12 чел. В первый год школу закончили и смогли сдать экзамен лишь два человека, так как она давала слабую и несистемную подготовку (*Уральск*, 1909, № 2, с. 63).

В 1909 г. московская старообрядческая община Рогожского кладбища организовала при старообрядческом училище полугодовые курсы для подготовки учителей. На курсах обучалось 29 чел., четверо из них являлись жителями Пермской губернии Оханского уезда: Д. И. Вотинин (д. Морозово, Верх-Очерская волость), П. М. Ждановский (Очерский завод), Ф. А. Пьянков (д. Черепановка, Путинская волость), З. Т. Рахманов (д. Петрушаты, Кленовская волость). Все курсисты окончили начальное училище и имели свидетельства о благонаравии от старообрядческих общин. Результаты экзаменов показали довольно низкий уровень знаний будущих учителей (ОР РГБ. Ф. 246. К. 159. Ед. 6. Л. 1—8). Курсы, открывавшиеся на короткий срок, решали вопрос подготовки учителей лишь отчасти. Старообрядческий шестиклассный институт в Москве, учрежденный в 1912 г., не только готовил юношей к служению в старообрядческой церкви, но и занимался подготовкой учителей для старообрядческих начальных училищ (РГИА. Ф. 733. Оп. 177. Д. 298. Л. 3). В 1914 г. в институте обучались старообрядцы из Вятской, Оренбургской, Пермской губерний (ОР РГБ. Ф. 246. К. 159. Ед. 9. Л. 11). Тем не менее проблема подготовки учительских кадров для старообрядческих школ продолжала существовать. Курсы проводились нерегулярно и финансировались недостаточно, институт мог принять лишь небольшое количество учащихся.

В соответствии с Положением Комитета министров от 17 апреля 1905 г. на старообрядческие школы распространялось действие общих программ и инструкций, изданных для народных училищ: программ преподавания учебных предметов в сельских двухклассных училищах по закону 31 мая 1869 г., инструкций для двухклассных и одноклассных сельских училищ от 4 июня 1875 г., примерных программ предметов, преподаваемых в начальных народных училищах ведомства Министерства народного просвещения от 7 февраля 1897 г. (РГИА. Ф. 733. Оп. 175. Д. 96. Л. 105). Для старообрядческих училищ ученый комитет Министерства народного просвещения планировал разработку учебной программы в соответствии с конфессиональными особенностями и запросами старообрядцев. В период подготовки программы рекомендовалось вести обучение, ориентируясь на программу начального училища [*Дмитриевский*, 1909, с. 18]. Совет всероссийских съездов старообрядцев разрабатывал программу для первоначальных училищ старообрядцев, в которой по сравнению с общими программами увеличивалось количество часов для изучения закона Божия, церковно-славянского чтения, вводились уроки крюкового пения и сохранялась в полном объеме программа общеобразовательных предметов (РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 441, Л. 68).

Преподавание закона Божия в старообрядческих школах, в общих учебных заведениях регламентировало законоположение «О преподавании закона Божия детям старообрядцев и сектантов» (ПСЗРИ, 1914, т. 31, с. 260). Детям старообрядцев, обучавшимся в общих училищах, разрешалось не посещать уроки закона Божия господствующего исповедания и, соответственно, не сдавать экзамен по этому предмету (РГИА. Ф. 733. Оп. 175. Д. 96. Л. 111). В средних и низших

учебных заведениях, за исключением школ духовного и военного ведомства, разрешалось по желанию родителей или опекунов учащихся преподавание закона Божия, славянского чтения и духовного пения в соответствии со старообрядческим вероучением (ПСЗРИ, 1914, т. 31, с. 260). Контроль над процессом преподавания закона Божия должен был осуществлять начальник учебного заведения, который имел право посещать занятия и экзамены по указанной дисциплине [Машиковцева, 2016, с. 68]. По желанию родителей дети могли быть допущены к экзамену по закону Божию на общих основаниях (ПСЗРИ, 1914, т. 31, с. 260).

Как отмечали екатеринбургские епархиальные миссионеры, старообрядцы стремились отдавать своих детей на обучение в те школы, где велись уроки церковно-славянского чтения, так как их дети должны были уметь читать «кануны», поминовение усопших и Псалтырь (РГИА, Ф. 796. Оп. 442. Д. 2636. Л. 40об.). Учебная программа Черноисточинского старообрядческого училища включала закон Божий, чтение Псалтыри, церковное пение и предметы общеобразовательного цикла (Кузнецов, 1916, № 8, с. 20). Старообрядцы неоднократно отмечали небольшой по меркам их требований объем религиозных предметов в министерских программах. Ситуация преодолевалась путем увеличения часов на эти дисциплины и сокращения количества уроков по общеобразовательным дисциплинам или введения дополнительных занятий по церковно-славянскому чтению и крюковому пению в каникулярное время (В Уральске, 1914, № 6, с. 605).

Уроки закона Божия должны были проводиться по программам и учебникам, утвержденным Министерством народного просвещения. Однако до издания министерством этих программ преподавание разрешалось вести по программам, одобренным педагогическим советом школы (ПСЗРИ, 1914, т. 31, с. 260). Так, в старообрядческой школе поморцев в д. Таватуй Пермской губернии дети изучали закон Божий по учебникам для адептов православной церкви (РГИА, Ф. 796. Оп. 442. Д. 2636. Л. 40об.). В старообрядчестве не было прецедента создания учебников для школ. Первыми учебниками стали «Старообрядческий начальный учебник по Закону Божию» (1908 г.), составленный священниками Свято-Никольской церкви г. Москвы, учебник по закону Божию в трех частях, составленный священником И. П. Волощуком (1910 г.). С 1912 по 1915 г. издавались учебник Г. М. Карабиновича по закону Божию в двух частях, «Учение о богослужении Христовой церкви (старообрядческой), составленное старообрядческим институтом в 1913 г. (Карабинович, 1913, № 4, с. 271), учебное руководство по закону Божию для детей-беспоповцев, составленное Т. А. Худошиным и В. З. Яксановым. Закон четко регламентировал правила преподавания закона Божия для детей старообрядцев. Обозначались компетенции законоучителей, аспекты преподавания и контроля над процессом обучения.

Таким образом, правовое положение старообрядцев в области народного образования было тесно связано с общим школьным законодательством Российской империи, испытывавшим на себе все колебания внутривластного курса. Стремление либеральных общественных кругов (в том числе представителей старообрядческой интеллигенции) расширить масштабы народного образования сталкивалось с консервативными охранительными традициями. Получение старообрядцами свободы вероисповедания не привело к утверждению принципа равноправия в сфере образования (отказы в учреждении школ, недопущение учителей-старообрядцев к преподаванию, требование обязательного образовательного ценза для законоучителей, ограниченное финансирование школ старообрядцев властями и пр.). Несмотря на легализацию народного образования старообрядцев, православные миссионеры продолжали считать обучение средством борьбы со старообрядцами, сохранялось негативное отношение к их школам.

Список источников

- Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 42. Оп. 1. Д. 452. Л. 3 об., 15; Ф. 281. Оп. 1. Д. 813. Л. 96, 103–109, 110, Л. 141, 167; Д. 820. Л. 36 об.
- Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 18. Оп. 1. Д. 160. Л. 4, 88, 115; Д. 388. Л. 22; Ф. 435. Оп. 1. Д. 1351. Л. 183; Д. 1432. Л. 76.
- Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 246. К. 159. Ед. 6. Л. 1–8, 9, 11.
- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1475. Оп. 1. Д. 153. Л. 30–30 об.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 175. Д. 96. Л. 105–111; Оп. 177. Д. 298. Л. 3; Оп. 182. Д. 164. Л. 5–6, 8, 18–19, 29, 84; Оп. 227. Д. 134. Л. 11 об., 62, 66; Ф. 796. Оп. 442. Д. 2636. Л. 40 об.; Ф. 821. Оп. 133. Д. 21. Л. 3, 370–376; Д. 22. Л. 122, 309; Оп. 150. Д. 441, Л. 68.

В Уральске // Старообрядческая мысль. 1914. № 6. С. 604–605.

Введенский А. П. Действующие законоположения касательно старообрядцев и сектантов. Одесса: Б.и., 1912. 197 с.

Иллуктская учительская семинария // Златоуструй. № 4. 1910. С. 45.

Карабинович Г. М. Старообрядческие учебники // Старообрядческий пастырь. 1913. № 4. С. 269–288.

Кузнецов А. Черноисточинский завод Верхотурского уезда. Новый рассадник знаний // Уральский старообрядец. 1916. № 8. С. 20–22.

Макаров В. Е. К вопросу о старообрядческих школах // Старообрядец. 1906. № 10. С. 1163–1166.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. 1881–1913. 1905. Т. 25. Отделение первое. СПб., 1908. 1109 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. 1881–1913. 1906. Т. 26. Отделение первое. СПб., 1909. 1157 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. 1881–1913. 1911. Т. 31. СПб., 1914. 1433 с.

Постройка училища // Уральский старообрядец. 1915. № 7. С. 31.

С. Вознесенское Пермская губерния // Церковь. 1911. № 5. С. 123–124.

Список вакантных старообрядческих учителей // Церковь. 1913. № 25. С. 613.

Старообрядческие общины и школы // Старообрядцы. 1908. № 1. С. 102–105.

Старообрядцы и народное образование // Щит веры. 1913. № 6. С. 510–514.

Уральск // Церковь. 1909. № 2. С. 63–64.

Хроники нашей школы // Старообрядческая мысль. 1914. № 10. С. 971.

Библиографический список

Боровик Ю. В. Старообрядчество Урала и Зауралья на переломе эпох (1905–1921 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003. 287 с.

Вопросы народного образования среди старообрядцев. М.: Б.и., 1909. 172 с.

Дмитриевский А. Справочная книга по народному образованию старообрядцев. М.: Б.и., 1909. 208 с.

Ершова О. П. Старообрядчество и власть. М.: Уникум-центр, 1999. 203 с.

Керов В. В. Грамотность и конфессиональное образование староверов как фактор формирования массовой старообрядческой хозяйственной культуры в XVIII–XIX вв. // Государство и развитие образования в России XVIII–XX вв.: политика, институты, личности: Матер. XIII Всерос. науч. конф. М.: Б.и., 2009. С. 84–93.

Куприянова А. В. Школьное дело в старообрядческих сообществах Алтая в конце XIX – начале XX в. // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 5 (48). С. 261–263.

Машковцева В. В. Законодательная основа регулирования конфессиональной политики государства по отношению к старообрядцам в начале XX в.: содержание и специфика реализации (на материалах Вятской губернии) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2016. Вып. 9. С. 64–74.

Машковцева В. В. Конфессиональная политика государства по отношению к старообрядцам во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах Вятской губернии). Киров: Изд-во Вятского гуманит. гос. ун-та, 2006. 149 с.

Таранец С. В. Старообрядчество Российской империи (конец XVII – начало XX в.). Киев, 2012. Т. 1. 704 с.; 2013. Т. 2. 688 с.

Титова Е. И. Взаимоотношения власти и старообрядчества в вопросе образования в XIX – XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2012. 245 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 18.06.2017

LEGISLATIVE REGULATION OF THE ACTIVITIES OF OLD BELIEVERS SCHOOLS IN THE RUSSIAN EMPIRE IN 1905–1917: CONTENT AND IMPLEMENTATION (ON THE MATERIALS OF THE URAL REGION)

E. V. Shishkina

Institute of History and Archaeology, Ural branch of Russian Academy of Sciences, Kovalevskoy str., 16, 620990, Yekaterinburg, Russia
elizaveta.pjankova@yandex.ru

The article analyzes the legal framework regulating the status of Old Believers in the sphere of public education during the period of religious tolerance (1905–1907). The research is based on a wide range of historical sources, such as legislative acts, statistics, periodical press and unpublished record-keeping materials taken from state archive funds (the Russian State Historical Archive, the Russian State Archive of Ancient Acts, the State Archive of Perm Krai, the State Archive of Sverdlovsk region). Many of the sources are introduced into academic discourse for the first time. The author analyzes the legislative provisions that legalized Old Believers' right to education: Decree and His Majesty's Approved Ordinance of the Committee of Ministers «On Strengthening of the Religious Tolerance Principle» (1905), Decree «On formation and activity of Old Believers' and sectarian communities» (1906), and Decree «On religious instruction teaching to Old Believers' and sectarians' children» (1911). Attention is given to Old Believers' rights in the sphere of education obtained as a result of the liberalization of the state religious policy: the ability to establish schools to teach their children, the right to teach religious courses based on approved education programs and textbooks in accordance with the Old Believers' religious doctrine at schools for their children and at common schools, the right to be trained and prepared to be teachers, and the removal of a ban for the Old Belief teachers to work at common schools. The author analyzes the specificity of implementation of the mentioned decrees in the Ural region and reveals the restriction of Old Believers' rights despite close connection of the decrees with general school legislation (preventing Old Belief teachers from working at schools, refusals to establish Old Belief schools, requirement of compulsory educational qualification for religious instruction teachers, etc.).

Key words: Old Belief, schools of Old Believers, public education, freedom of worship, the Ural history in the early 20th century.

References

- Borovik, Yu. V. (2003), *Starobryadchestvo Urala i Zaural'ya na perelome ehpokh (1905–1921): dis. ... kand. istor. nauk* [The Old Believers of the Urals and Trans-Urals at the turn of the epochs (1905–1921): PhD thesis], Yekaterinburg, Russia, 287 p.
- Dmitrievskiy, A. (1909), *Spravochnaya kniga po narodnomu obrazovaniyu starobryadtsev* [Reference book for public education of Old Believers], Sovet Vseros. syezdov starobryadtsev, Moscow, Russia, 208 p.
- Ershova, O. P. (1999), *Starobryadchestvo i vlast'* [The Old Believers and the authority], Unikum-tsentr, Moscow, Russia, 203 p.
- Kerov, V. V. (2009), "Literacy and religious education of the Old Believers as a factor of formation of mass culture of the Old Believers in XVIII-XIX centuries", in *Gosudarstvo i razvitie obrazovaniya v Rossii XVIII-XX vv.: politika, instituty, lichnosti: Materialy XIII Vseros. nauch. konf.* [State and the development of education in Russia of XVIII-XX centuries: politics, institutions, personalities: Materials of the 13th All-Russian conference], RUDN, Moscow, Russia, pp. 84–93.
- Kupriyanova, A. V. (2014), "Schooling in the Old Believer communities of the Altai in the late 19th – early 20th centuries", *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, No. 5 (48), pp. 261–263.
- Mashkovtseva, V. V. (2006), *Konfessional'naya politika gosudarstva po otmosheniyu k starobryadtsam vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. (na materialakh Vyatskoy gubernii)* [The confessional policy of the state against the Old Believers in the second half of the 19th – early 20th centuries (on the materials of Vyatka province)], Izd-vo VyatGGU, Kirov, Russia, 149 p.
- Mashkovtseva, V. V. (2016), "The legislative framework for the regulation of religious policy of the state against the old believers beginning of the 20th century: the contents and specificity of realization (on materials of the Vyatka province)", *Vestnik VGGU*, Vol. 9, pp. 64–74.
- Taranets, S. V. (2012, 2013), *Starobryadchestvo Rossiyskoy imperii (konets XVII – nachalo XX veka)* [The Old Believers of the Russian Empire (the end of the 17th – early 20th centuries)], Vol. 1. 704 p.; Vol. 2, 688 p., Kiev, Ukraine.
- Titova, E. I. (2012), *Vzaimootnosheniya vlasti i starobryadchestva v voprose obrazovaniya v XIX – XX vv: dis. ... kand. istor. nauk* [Relations between the authorities and the Old Believers in the field of education in the 19th – 20th centuries: PhD thesis], Nizhniy Novgorod, Russia, 245 p.
- Voprosy narodnogo obrazovaniya sredi starobryadtsev (1909)* [Public education among the Old Believers], Sovet Vseros. syezdov starobryadtsev, Moscow, Russia, 172 p.